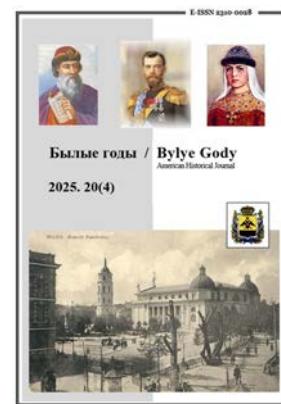


Copyright © 2025 by Cherkas Global University



Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(4): 2056-2065
DOI: 10.13187/bg.2025.4.2056

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The International “Odysseys” of Kazakh Political and Public Figure Shaimerden Kosshygulov (early 20th century)

Samat Zhumatay ^{a,*}, Dariya P. Kozhamzharova ^b, Zhaidarman A. Ganibayeva ^c, Satay M. Syzdykov ^d

^a Institute of History of Kazakhstan and Central Asia, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Mukhtar Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^c Aktobe Regional State University, Aktobe, Republic of Kazakhstan

^d L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

The study of public figures from among the «alien» populations of the Russian Empire currently involves primarily the discovery of little-known facts. The main reason for this lies in the formerly restricted nature of the subject during the dominance of Soviet ideology – most of the deputies of the early State Dumas, following the events of 1917, ended up either in political exile or as victims of mass repressions. This research aims to reconstruct the biography of Shaimerden Kosshygulov, a Kazakh from the Akmolinsk region of the Steppe Territory and a deputy of the Duma, through the prism of his extensive cultural and educational activities, which he carried out not only within his native linguistic and ethnic environment, but also in a multicultural context. The sources used in the study include archival materials from Kazakhstan and abroad, epistolary heritage, and various narrative accounts. Some data about Kosshygulov are introduced into academic circulation for the first time. Using an interdisciplinary approach – at the intersection of history, political science, elite studies, and anthropology – and applying methods of critical analysis and synthesis, the study establishes that Shaimerden Kosshygulov had a strong inclination toward enlightenment based on Islamic teachings. His audiences included various ethnic groups of the Russian (Bashkirs, Tatars, Sarts (Uzbeks), Azerbaijanis, etc.) and Ottoman Empires at the turn of the 19th–20th centuries. In the period around 1908–1909, already a former Duma deputy, Kosshygulov was in Istanbul, where he interacted with Turkish democratic activists. The «Odysseys» of this Kazakh public figure on the international stage are of interest in terms of his communicative abilities and his hypothetical role as an authorized representative of the national political party Alash. Supporting this latter hypothesis is the fact that Kosshygulov was a progressive thinker and participated in publishing a secular newspaper in St. Petersburg.

Keywords: Russian Empire, Muslims, State Duma, Kazakhs, Azerbaijanis, Steppe territory, enlightenment, exile, Shaimerden Kosshygulov.

1. Введение

Международные аспекты политизации части казахского общества в начале прошлого столетия ранее не были предметом научного изучения. Инородческие народы в Российской империи зачастую воспринимались в рамках существовавшей административной и культурной иерархии как менее включённые в систему формального образования и государственной службы. Доступ к высшему образованию и государственным должностям для представителей этих народов был ограничен, хотя существовали отдельные исключения. Вместе с тем идеи либерализма и демократизации постепенно проникали в российское общество, находя отклик среди части образованных слоёв. Эти настроения усиливались на фоне внешнеполитических трудностей, способствуя росту общественного интереса к

* Corresponding author

E-mail addresses: kopeev95@mail.ru (S. Zhumatay)

реформам и расширению прав различных слоёв населения. На рубеже XIX и XX вв. передовая часть мусульманских служителей, творчески переосмыслив новые веяния в науке, педагогике, политике, совершила поистине революционный прорыв: в учебную программу медресе вводились, невзирая на ожесточённое сопротивление сторонников старого («кадым») метода, основы наук о Земле (географии, физики и др.). В Акмолинской, пограничной с Сибирью, области Степного края джадидизм также находил своих приверженцев. Однако подавляющая часть служителей веры и педагогов медресе для казахских детей и подростков края предпочла традиционную методику обучения. Тем не менее, из этой, казалось бы, ретроградной, среды выделяется незаурядная личность с большим потенциалом ритора, политика, коммуникатора, мецената, готового отстаивать интересы простых жителей края. Его личность и проявленные качества, горизонты охваченной его агитацией аудитории слушателей-прихожан, коллег по депутатскому корпусу и учеников, вызывают неподдельный интерес. Шаймерден Косшыгулов активно проявил свои способности как во внутриполитической жизни России, так и во вне империи.

2. Материалы и методы

Ввиду слабой разработанности темы, опорой исследования были использованы раритетные источники рубежа XIX–XX вв. из Османского архива Турецкой Республики (ОАТР) (г. Стамбул, Турецкая Республика), Российского государственного исторического архива (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), в частности: РГИА. Ф. 102. Оп. 28. Д. 60; РГИА. Ф. 102. Оп. 28. Д. 147; РГИА. Ф. 565. Оп. 6. Д. 23396. РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 318. Л. 44-47 и др. Определённую пользу в плане установления взаимосвязей внутри мусульманской фракции Думы, в лице азербайджанских и казахских депутатов, сыграли документы из фондов Государственного архива Азербайджанской Республики (ГААР. Ф. 3172. Оп.1. Д. 6). Из казахстанских архивов изучены материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК): ЦГА РК. Ф. 369. Оп.1. Д. 3828. ЦГА РК. Ф. 369. Оп.1. Д. 2653 и др., а также Государственного архива города Астаны (ГАГА. Ф. 244. Оп. 1. Д. 49; Ф. 244. Оп. 1. Д. 59) и проч.

По сведениям, изученным нами в личном архиве казахстанского краеведа, писателя Жайыка Бектурова, в период якутской ссылки Косшыгулов был востребован среди отбывавших ссылку мусульман, этнических татар и башкир. Эти материалы позволили по-новому взглянуть на личность Шаймердена Косшыгулова, не терявшего хладнокровия.

Роль нарративов в изучении общественно-полезной деятельности казахской интеллигенции, священнослужителей начала XX ст. чрезвычайно ощутима. Среди рукописных источников нами было обнаружено и впервые вводится в научный оборот стихотворение, посвящённое Ш. Косшыгулову, написанное его внукастым племянником Саду, жителем аула Балыкты Акмолинской области. Данный раритет хранился в семейном архиве Есмагамбетовых, которые являются родственниками по линии родного брата Шаймердена, по имени Калыш. Автор посвящения, Саду, был учеником Шаймердена Косшыгулова и был очевидцем его жизни, и в данном стихотворении он отмечает просветительскую деятельность учителя и широкий кругозор, позволивший ему контактировать с выдающимися личностями своего времени: Исмаилом Гаспринским, Абаем Кунанбаевым и др.

Дополнительными источниками исследования темы служат опубликованные документы по работе фракций Государственной Думы (Третий..., 1906 и др.), фотоснимки депутатов Думы, столичное печатное издание «Санкт-Петербургские ведомости» за соответствующий период и проч.

Поскольку основная доля архивных источников о Шаймердене Косшыгулове (РГИА, ЦГА РК) освещает его деятельность в пределах Степного генерал-губернаторства и Санкт-Петербурге, особо ценным разрядом тематических источников нам представляются те редкие источники, в частности, малоизвестные рукописи, которые сохранили ценные факты о джадидской деятельности казахского просветителя в годы первой ссылки, а именно в Якутии. Нами впервые обнаружены редкие рукописи в фондах Карагандинской областной юношеской библиотеки имени Ж. Бектурова (г. Караганда, Республика Казахстан), в которых сообщаются неизвестные факты со слов племянника Шаймердена, что позволило расширить прежние представления о географии просветительской работы Ш. Косшыгулова. Сведения из них впервые вводятся в научный оборот.

Методология исследования темы опирается на традиционные методы гуманитарных наук, диалектической логики, индукции и дедукции, верификации источников, принцип историзма, компаративный анализ и др. Междисциплинарный подход применялся на стыке наук: истории, политологии, лингвистики, этнологии, с целью погружения в глубину межкультурных контактов интеллигенции Российской империи и стран Европы.

3. Обсуждение

Биография уроженца аула Балыкты Котыркольской волости Кокчетавского уезда Шаймердена Косшыгулова (1874–1932) охвачена штрихами в ряде публикаций последних лет (Zhumatay et al., 2024). Будучи выпускником традиционных духовных учебных заведений Российской империи (в Бухаре), он сумел в начале XX ст. организовать обучение казахских детей в аульной школе. Школа располагалась в ауле Балыкты Котыркульской волости Акмолинской области (Гюллу, 2024). В число

его учеников входили родственники по линии отца, Галиолла и Файзолла Галимжановы, ставшие впоследствии известными казахскими просветителями, авторами стихотворных поэм, научных статей и редакторами.

Краеведческие изыскания указывают на тот факт, что также Шаймерден Косшыгулов приложил усилия для подготовки казахских учащихся на базе медресе в городе Кокчетав, уездном центре той же Акмолинской области ([Zhumatay et al., 2024: 400](#)). Для того времени, в северных областях Казахстана, он стал крупной ответственной фигурой в сфере традиционного просвещения.

Уникальный случай, когда служитель ислама, мулла, стал народным избранником от жителей Акмолинской области, – яркая страница его ответственной деятельности, к сожалению, также оставалась долгие десятилетия в тени. Фрагментарно о нём упоминает в диссертации С. Казиев, когда пишет: «В работе двух мусульманских съездов (январского 1906 г. и августовского 1906 г.) в Нижнем Новгороде из числа казахов участвовали Ш. Косшегулов (варианты – Кошегулов, Косшыгулов) и С. Джантюрин» ([Казиев, 2015: 172](#)). Изданы были постановления III Всероссийского Съезда ([Третий, 1906](#)), которые исследует учёный из Уфы И. Загидуллин ([Загидуллин, 2020: 28-36](#)). В работе этого съезда участвовал кумир тюркской передовой интеллигенции Исмаил Гаспринский.

Интересные суждения высказывает российский исследователь Ю.А. Лысенко о периоде работы II Думы, когда под давлением депутатского корпуса было создано Правительственное совещание по вопросу землеустройства казахов. В его работе приняли участие депутаты от Степного края: Каратаев, Беремжанов, Нороконев, Кошегулов ([Лысенко, 2019: 84](#)).

Статус экс-депутата Думы сыграл для его обладателей роковую роль не единожды: во-первых, в связи с отказом от политики либерализации Николаем II, и во-вторых, с установлением власти большевиков. В исторической литературе также слабо отражено, что и после 1917 г. Шаймерден Косшыгулов сохранил общественную активность, навлёкши на себя новый виток гонений. Ранее мы писали о его пребывании в Стамбуле, после роспуска царём Думы, опираясь на сведения турецкой периодической печати начала XX в. ([Zhumatay et al., 2024](#)). Русскоязычная историография дореволюционного этапа о казахских депутатах не могла сложиться, поскольку обстоятельства в стране в канун 1917 г. сложились не в пользу разумеренного, академического описания деятельности Думы. Из зарубежных исследований представляет интерес издание исторического очерка турецким учёным ([Aykut Kansu, 1997](#)) о событиях 1906–1908 гг. в Турции, в ходе которых складывались предпосылки революции и выборов 1908 г. Так, 1908 г. открыл новую эру представительного правления в Малой Азии, подспудно способствуя свержению старого режима. В контексте нашего исследования детализация политического фона начавшихся в Османской империи реформ представляет несомненный интерес. Вместе с тем в упомянутой книге не охвачены однократные события в российской Центральной Азии, либо они описаны поверхностно ввиду дефицита оригинальных источников.

Другой исследователь из Азербайджана, Йолглу Гюллу (Маммадли) обратил внимание на политическую фигуру Ш. Косшыгулова в разрезе общей борьбы тюрков-мусульман за пробуждение Востока ([Гюллу, 2024: 74-85](#)). Он, в частности, приводит суждение о знакомстве Шаймердена с Гаспринским, когда характеризует итоги Третьего Всероссийского съезда мусульман в 1906 г. Тогда в Нижнем Новгороде Шаймердена избрали в состав Комиссии по разработке программы Союза Российской мусульман. И тогда же в состав руководства Союза были избраны А. Топчибашев, И. Гаспринский, А. Ибрагимов, Ш. Косшыгулов и др. ([Гюллу, 2024: 76](#)). Азербайджанец в числе мусульманской фракции депутатов Думы, Зейналов Зейнал Эйналович, был знаком с казахским депутатом ([Гюллу, 2024: 80](#)).

Активную позицию казахского депутата-муллы отметила исследователь из Татарстана Д.М. Усманова ([Усманова, 2024: 85-100](#)). Её заключения касаются преимущественно доли мусульманской элиты в составе депутатского думского корпуса ([Dohm, 2008](#)). В другой своей работе Д. Усманова указывает, что в ходе обсуждения в Думе аграрного вопроса Косшыгулов, хорошо ориентируясь в специфике казахского типа хозяйства, высказал особое мнение о правовых сторонах регулирования спорных моментов ([Усманова, 2005: 116](#)).

История падения одной из старейших монархий интересует учёных разных научных школ. Так, американский историк Юджин Роган является автором монографии о падении Османской империи ([Rogan, 2015](#)). Подробная история последних лет Османской империи изложена в строгом стиле, давая в целом необходимую перспективу для понимания ситуации на Ближнем Востоке. В данной публикации в меньшей степени характеризуются взаимоотношения среднеазиатских тюрков с оттоманскими правительственные кругами.

Таким образом, обозначенная нами тема внешних коммуникаций инородцев России на рубеже веков весьма слабо освещена в историографии, тогда как источники свидетельствуют о целенаправленной миссии казахского муллы и депутата, которая заслуживает внимания.

4. Результаты

1. Изучение на системной основе его общественно-политической деятельности, безусловно, приводит к глубокому выводу, что фигура Шаймердена Косшыгулова в определённой степени

должна была рассматриваться как равнозначный вклад в дело народного просвещения его предшественников, оставивших след в истории казахского просвещения – Ибраим Алтынсарин (1841–1889) и его последователи. Однако, в силу господствовавшей идеологии, деятельность служителей веры на ниве просвещения не рассматривалась всерьёз. Тогда как его вклад в народное просвещение не ограничивался пределами Степного края; Косшыгулов активно переписывался с яркими личностями, как Ибрагим Кунанбаев, другими тюркоязычными поэтами, публицистами, духовными учителями Поволжья, Бухары, Сибири и Османской империи (Турции). Таковая активность вызывала негодование администрации края, что отражено в переписке Министерства внутренних дел России с региональными департаментами полиции. В них, в частности, обращалось внимание на печатную продукцию на языках инородцев. В информировании общественности власти разглядели потенциальную опасность для жителей Степного края. Политический надзор усилили в данной местности, гласными и негласными надзорами, они же до последнего времени, например, в г. Омске, владели местной печатью ([РГИА. Ф. 102. Оп. 28. Д. 60. Л. 1](#)). Родной город для Шаймердена, Кокчетав, находившийся в непосредственном подчинении Омску, также был в эпицентре описанных в источнике перемен.

Характерно, что в годы депутатской деятельности Косшыгулов охотно сотрудничал с политическими и общественными деятелями Поволжья, вместе с которыми участвовал в подготовке запросов от имени членов мусульманской фракции. Общность наказов и интересов расширили круг его знакомств и способствовали выработке собственной платформы политического поведения. Так, его хорошо знал чингизид из Уфы Жантюрин Салимгере́й, а также И. Гаспринский и депутаты из разных регионов России: Махмудов, Тевкелев, Коншин и др.

2. Мировоззренческие изыскания и общественно-политические взгляды Шаймердена Косшыгулова до сих пор не получили системного отражения в исторической литературе. Причинами такой ситуации, на наш взгляд, оказывались внешние политические обстоятельства: с одной стороны, он был неугоден местной уездной администрации в монархический период, поскольку власти откровенно опасались консолидации исламских служителей и роста личного авторитета отдельных священнослужителей. Соответственно, деятельность депутата-муллы была под бдительным надзором полицейских ведомств, ему был закрыт доступ к печати.

Тем не менее, Косшыгулов был обладателем высокого статуса депутата, а затем экс-депутата Государственной Думы I и II созывов, что позволяло ему путешествовать по России и за её пределы.

Нами сделана попытка систематизировать данные о ближних и дальних поездках Ш. Косшыгулова в исследуемый хронологический отрезок (см. ниже в форме [Таблицы 1](#)).

Таблица. География культурно-просветительской одиссеи Ш. Косшыгулова (конец XIX – начало XX в.)

№	Маршруты	Источники
1	Петропавловск. Кокчетав	ПМА – Полевые материалы автора
2	Бухара	ПМА
3	Якутская область	РГИА, ЦГА РК
4	Санкт-Петербург	РГИА, ЦГА РК
5	Уфа, Самара	ПМА
6	Одесса	ПМА
7	Стамбул	Османский архив

3. Во внутренней политике царская администрация большое внимание уделяла миссионерской деятельности православных служителей. Задача христианизации кочевого и полукочевого казахского населения, других инородцев решалась по мере продвижения русской культуры и образования вглубь Степного края. Сохранились разножанровые источники о методах и количестве приверженцев учения Христа из числа киргизов, как тогда именовали казахское население Алтая и Степного края ([Отчет..., 1889: 15–18, 20–21](#)).

4. 30 апреля 1894 г. Синод принял указ об «открытии православной миссии среди киргиз, населяющих Тобольскую епархию» в составе трёх станов: Акмолинского, Каркаралинского, Атбасарского ([Горный..., 1902: 27](#)). Усиление миссионерской политики в Степном крае и ограничение прав уммы привели во второй половине XIX в. к недовольству коренного населения. Ведь согласно Временному Положению 1868 г., возведение мечетей дозволялось только лишь с разрешения генерал-губернатора ([Шерстова, 2007: 99](#)).

5. Население, осознавшее веру как неотъемлемую составляющую идентичности, увидело в ограничениях возведения мечетей и медресе ощутимую угрозу ([Прошлое..., 1997: 24–27](#)).

Приблизительно в 1903 г. в Петропавловске, Кокчетаве и Акмолинске Мухамеджаном Бегишевым, муллой смешанной (казахско-татарской) мечети Петропавловска, было инициировано общественное движение, в основе коего лежал протест против царской политики в сфере вероисповедания.

Активно поддержавшие Бегишева казахские служители ислама: авторитетный в крае Науан Хазрет (полное имя и фамилия – Наурызбай Таласов), мулла и помощник хазрета Шаймерден Косшыгулов и другие. Основные условия сводились к требованию от губернской и местной уездной администрации уважения к казахским обычаям и традициям и сохранения численности мусульманских школ (ЦГА РК. Ф. 151. Оп. 2. Д. 359. Л. 29–30).

6. Власти отреагировали на всплеск общественного недовольства лишь эскалацией гонений. Как зачинщики волнений, авторитетные муллы Наурызбай Таласов (Науан хазрет) и Шаймерден Косшыгулов (Шамке), и некоторые их сторонники были высланы в Сибирь под строгим сопровождением. Арестованные были изолированы от всяких возможных контактов с земляками, во избежание новых волнений.

Однако эти меры лишь усугубили ситуацию: своих духовных наставников местная паства не желала отпускать в ссылку (ЦГА РК. Ф. 151. Оп. 2. Д. 359. Л. 19). Была инициирована подача казахскими авторитетными лицами петиций на имя монарха, в столичные министерства. Подписавшие петиции требовали, как минимум, возвращения из незаслуженной ссылки мулл, возобновления прежнего порядка разрешений на постройку мечетей и медресе, разрешения безлимитного хаджа в Мекку и проч. (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2653. Л. 55–58). Факт исключительный, на фоне тотального запрета любой критики в адрес уездного начальства, за что, судя по документам, полагалось взыскание на выбор самого уездного начальника (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2653. Л. 470б.–48).

Все эти действия будировали местную атмосферу, нервируя полицейские чины. Все силы Министерства внутренних дел были брошены на подавление протестов. Не случайно, депеши Степного генерал-губернатора из Омска в столицу за 1907 г. заполнены ходатайствами о награждениях тех, кто окказал содействие администрации просьбами выделить: «...нескольких наград сверх нормы для награждения некоторых чинов, благодаря заботам, неусыпным трудом и самоотверженной деятельности которых удалось предохранить Степной край от возникновения и развития в нём событий, охвативших в конце 1905 года некоторые местности Империи» (РГИА. Ф. 102. Оп. 28. Д. 147. Л. 95).

Как выясняется из содержания источников, администрацию Степного края больше волновали другие вопросы. К примеру, уповая на то, что наплыв переселенцев вызывает необходимость перемен в быте местного инородческого населения. Соответственно, Степной генерал-губернатор хлопотал об увеличении штатов уездных управлений (РГИА. Ф. 565. Оп. 6. Д. 23396. Л. 2–3). В свою очередь, к нему обращались с аналогичными просьбами нижестоящие чиновники Акмолинской области (РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 318. Л. 44–47).

Степное население между тем страдало от различных поборов в пользу уездного начальства. Передовые издания публиковали очерки о незавидном положении казахов, вынужденных за свои средства обеспечивать транспорт и тарантасы для чиновников. «Летом 1903 года, – язвительно сообщал корреспондент еженедельника «Вестник казачьих войск», – из Акмолинского областного правления, циркулярно предписано всем управляющим (волостные старшины) собрать с киргиз по приговорам общества деньги для заготовления сбруй и экипажей на разъезды чиновников по степи» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3828. Л. 9–90б.).

Весной 1907 г. Степной генерал-губернатор на особом совещании рассматривал складывавшуюся дилемму: о передаче казахов в ведение Оренбургского магометанского духовного собрания, либо – об образовании Степного муфтията (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 938). Внимательно изучив материалы этого совещания, сопоставив их с программой (которая будет выдвинута десятью годами позднее, в 1917 г.) национальным политическим движением – партией Алаш, можно заметить общность требований. И в 1907 г., и спустя десять лет, казахские избранники выдвигали в качестве национального самоопределения требование о муфтияте – своеобразном духовном централизованном ведомстве по управлению уммой (мусульманское сообщество). Именно тогда, на наш взгляд, сформировалась общая платформа основателей светской партии Алаш, в лице А. Букейханова, А. Байтурсынова и М. Дулатова, с одной стороны, и – духовных лидеров казахского народа, авторитетных и гражданских активных мулл, с другой. Последующие действия – Одиссея – Косшыгулова прямо свидетельствуют о его решительности в плане поиска зарубежных сторонников выдвинутых народом требований в плане защиты свободы вероисповедания, как одного из признаков идентичности. В частности, речь идёт о его мотивированном посещении Османской империи.

7. Примерно в 1907 г. по согласованию с лидерами Алаш, Шаймерден Косшыгулов направился в Османскую империю, где встречается с членами правительства, позже поведав на страницах стамбульской прессы о чаяниях казахского народа (ОАТР. Ф. 84. Д. 2902. Л. 1–5).

Вера в учение Пророка как немаловажный этнокультурный компонент, идентификационный критерий, безусловно, открывала посланнику Алаш двери во дворцах и жилищах простых жителей Стамбула. Одиссея казахского экс-депутата воплощала в себе целый ряд составляющих. Это и духовная миссия, о которой сказано выше, и братство языков, и то, что в стамбульских учебных заведениях в то время обучалось немало казахских юношей, с которыми он встречался и материально их поддерживал как земляк и просветитель, верующий в будущее нации, и думы о том, что Степной край переживал бум переселенческой иммиграции.

Проводя компаративный анализ двух одиссеи Ш. Косшыгурова – поездки в Османскую империю и Якутскую область России, то все перечисленные в предыдущем абзаце грани его миссии совпадают. И в первом, и во втором случаях, прежде всего, граждански активные члены казахского сообщества актуализировали право народа на землю, свободу вероисповедания, языковую идентичность. В недрах сообщества зрело решение бороться за неделимость достояния нации – земли, на которую увеличилось многократно давление вследствие прибытия переселенцев из Центральной России. Этот актуальный вопрос депутаты, в их числе Косшыгулов, поднимали на съездах, привлекая внимание правительства. Передовая российская общественность реагировала на сложившееся положение дел, констатируя, что «...десятками тысяч посыпает каждый год Европейская Россия в Сибирь своих пионеров и колонизаторов. По данным железнодорожной статистики, прошло переселенцев в Сибирь через Челябинск в 1896 году приблизительно около 180 тыс. человек. В 1897 году прошло их туда уже в три раза менее, а именно: 61 720 чел. Но уже в 1898 году, с 1 января по 1 сентября, то есть в течение 8 месяцев, цифра переселенцев достигла 160 тыс. человек» ([Оренбургский, 1899: 2](#)).

Однако, несмотря на требования народных избранников от казахов-инородцев Степного края, члены правительства отказались санкционировать немедленное прекращение процесса создания переселенческих участков в Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях. Не были законодательно закреплены земельные права коренного населения, невзирая на депутатские запросы. По решению Совещания, землеустройству подлежали лишь хозяйства тех казахов, которые перешли на оседлый образ жизни ([РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 468. Л. 199–275](#)).

И после, Ш. Косшыгулов и другие члены семьи Косшегуловых были объектом гонений со стороны сильных мира сего; добродетельные дома выставлялись на торги и меняли хозяев ([ГАГА. Ф. 244. Оп. 1. Д. 49](#)), частная собственность семьи становилась предметом публичных обсуждений ([ГАГА. Ф. 244. Оп. 1. Д. 59](#)).

Шаймерден Косшыгулов был видным просветителем своего времени, на базе исламского вероучения пришедшим к пониманию поликультурного характера прогрессивных реформ, роли меценатства в системе народного образования и воспринявшим положительно принципы активной гражданственности и осознанной политической деятельности. Помимо теоретического осмысливания значения социальных реформ, он, в пределах Акмолинской области, на практике внедрил систему обучения для передачи основ научных знаний аульным детям и подросткам; его ученики стали впоследствии просветителями, деятелями Алаш, интеллигенцией, оставили заметный след в поэзии, публицистике, журналистике и т.д. Его гражданская позиция вызывала негативную реакцию со стороны местной уездной администрации, недовольной той критикой, которую откровенно высказывал, устно и письменно, Косшыгулов в своих публичных выступлениях.

Вернувшись из якутской ссылки, не потеряв силу духа, он активно включается в предвыборное состязание и избирается депутатом высшего органа России, Государственной Думы (!). Будучи в столице империи, он успевает приложить усилия к изданию газеты на казахском языке «Серке». Сам факт разработки им проекта газеты свидетельствует о его заинтересованности в запуске постоянного коммуникационного информационного портала, который бы стал агрегатором новостей для российских мусульман. В газете «Серке» был опубликован материал его земляка, Мухамеджана Тынышпаева о положении казахского народа и другие статьи просветительского плана. То есть казахскому депутату были присущи еще и передовые качества редактора-издателя, к сожалению, не реализовавшиеся в полной мере. Он обладал одной из крупных для своего времени библиотек, способствовал распространению печатных изданий, книг и журналов.

По мнению исследователей, мотивацией дальней поездки Шаймердена был успешный визит его троюродного брата Абдырахмана Магзум Калкай ишана (полное имя Калмухамед), совершившего хадж в 1903–1905 гг. Абдырахману даже удалось участвовать на приёме самого султана Абдулхамита II ([Zhumatay et al., 2024: 396](#)) и он мог сохранить нужные стамбульские связи, которыми и воспользовался Ш. Косшыгулов.

Наконец, будет не лишним напомнить более известный в историографии факт, что за год примерно до одиссеи Косшыгурова, Стамбул посетил после совершенного в 1906 г. в Мекку хаджа племянник Ибрагима Кунанбаева, философ и поэт Шакарим Кудайбердыев. Однако цели поездки последнего были отнюдь не политического характера; Шакарим много путешествовал, побывал в Египте, а в Стамбуле занимался научной работой в библиотеках, приобретал интересующие его книги. Впоследствии это позволило Кудайбердыеву написать исторический очерк о казахах. Гражданская позиция Шакарима проявилаась в философском осмысливании судеб казахского народа, то есть его поездка существенно отличалась от целей Косшыгурова.

Собственно, обе миссии: и Кудайбердыева, и Косшыгурова, помимо фиксации достаточно распространённой в Центральноазиатском пространстве практики посещения мусульманских центров, среди которых Стамбул занимал одно из главных мест, имеют и другие общие черты. Оба представителя передовой части казахской интеллигенции хорошо были знакомы с чингизидами, представителями рода Букейхановых, из которых на политическую орбиту в первом десятилетии XX в. стремительно вышел Алихан Нурмухамедович Букейханов. Поэтому наличие внутренней

взаимосвязи между пребыванием в Стамбуле казахского экс-депутата (Шаймердена) и философа (Шакарима) отрицать представляется затруднительным.

Собственно, причинами, побудившими Ш. Косшыгулова отправиться на Анатолийский полуостров, были растущие как снежный ком, не находившие рационального решения, вопросы. Это и угнетённое социально-политическое положение казахов Степного края, и отсутствие возможностей достойно выполнить наказы соотечественников, бюрократические и иные препоны решению накопившихся вопросов, в том числе – очевидного земельного кризиса в Степном крае, ущемления прав уммы и, к тому же, сужение прав граждан выразить мнение в имперских средствах массовой информации. Запрет на издание газеты «Серке» в Санкт-Петербурге, по-видимому, стал последней каплей в чаше терпения.

Уместным представляется сравнение одиссея казахского депутата первой и второй Дум Косшыгулова с другими, внешне схожими посольствами, к примеру, азербайджанской делегации в Европу и в Стамбул, в частности, которую возглавил также экс-депутат первой Думы России и председатель её мусульманской фракции, редактор газеты «Каспий» Алимардан-бек Топчибашев. Известно, что имела место переписка весной 1908 г. между Топчибашевым и Салимгереем Джантюриным, казахом-чингизидом, относительно возможных перспектив объединения усилий мусульман-суннитов и мусульман-шиитов России в смысле защиты своих прав ([ГААР. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 6. Л. 27-30](#)). Азербайджанский деятель выражал тогда уверенность, что «с точки зрения религии, не может быть препятствий к общности для мусульман России иметь одно высшее духовное учреждение» ([ГААР. Ф. 3173. Оп.1. Д.6. Л. 29](#)). Как юрист, Алимардан-бек достаточно ясно выразил свою позицию в вопросе взаимоотношений религии и государства: он ратовал за свободу в вопросе экономическом, в котором, с его слов, не может быть допущено участие казны государства ([ГААР. Ф. 3173. Оп.1. Д.6. Л. 28](#)). Однако азербайджанская миссия в Европу берёт начало лишь после октябрьских событий 1917 г., когда Топчибашев, профессиональный юрист, выпускник Санкт-Петербургского университета (1888 г.), осознавал тщетность своих усилий завладеть вниманием мировой общественности...

5. Заключение

Таким образом, изученные архивные источники и нарративы, по большей части впервые вводимые в научный оборот, при сопоставлении с данными других исследователей, позволяют прийти к следующим выводам. Коммуникативные навыки и эрудиция позволили Ш. Косшыгулову искать и находить единомышленников вне пределов родной волости – уезда – области, вести деловую переписку с известными просветителями, государственными и политическими, общественными деятелями своей эпохи. Контакты Ш. Косшыгулова распространялись и на ведущие духовные мусульманские центры Центральной Азии; будучи сам выпускником медресе в Бухаре, он, безусловно, поддерживал духовные и личные контакты со своими наставниками. Сам факт, что, даже находясь в ссылке в далёкой Якутии, Шаймерден нашёл общий язык с местными жителями и преподавал в школе для татарских подростков, говорит о многом. Данные факты, несомненно, свидетельствуют о его мужестве, жизненной стойкости и преданности выбранному делу просветительства. Позднее, не без помощи казахского инженера М. Тынышпаева, Косшыголов направился в Стамбул для упрочения коммуникаций с видными турецкими общественными деятелями, улемами и просветителями. В реконструкции государственной, общественной и педагогической деятельности казахского подвижника начала XX в. обращают на себя внимание уникальные факты биографии Ш. Косшыгулова, относящиеся к периоду 1908–1909 гг. В тот период он, уже в статусе экс-депутата Думы, пребывая в Стамбуле, продолжил расширять круг своих последователей, но уже на более широком международном поле.

Изучение на системной основе его общественно-политической деятельности, безусловно, приводит к однозначному выводу о том, что фигура Шаймердена Косшыгулова в определённой степени должна рассматриваться как равнозначная вкладу в дело народного просвещения его предшественников. Мы имеем в виду оставивших след в истории казахского просвещения в соседней Тургайской области: Ибрая Алтынсарина (1841–1889) и его последователей.

Малоизвестная одиссея экс-депутата Думы видится как продолжение, – не без заинтересованного участия передовой национальной интеллигенции, – многолетней традиции коммуникаций между педагогами и выпускниками мусульманских духовных учебных заведений Российской империи, в частности, из Центральноазиатского региона, с одной стороны, – и с духовными центрами Малой Азии (Османской империи), с другой. Отзвуки той поездки следуют безусловно искать в свидетельствах тех казахских юношей, студентов стамбульских учебных заведений, которые могли знать о пребывании в городе их уважаемого соотечественника.

6. Благодарности

Работа подготовлена в рамках реализации проекта ИРН АР19679639.

Литература

ГААР – Государственный архив Азербайджанской Республики.

ГАГА – Государственный архив города Астаны.

Горный..., 1902 – Горный Алтай и его население. Т. 3. Вып. 2. Оседлые инородцы Бийского уезда. Барнаул, 1902. 73 с.

Гюллу, 2024 – Гюллу Й. Роль Шаймердена Косшыгула в борьбе мусульман-тюроков за самосохранение // *Ұлт Жады*. 2024. № 3. С. 73-85.

Загидуллин, 2020 – Загидуллин И.К. О постановлении III Всероссийского съезда мусульман 1906 года, посвященном реорганизации управления духовными делами единоверцев // *Исторический поиск*. 2020. Т. 1. № 4. С. 28-36. DOI: 10.47026/2712-9454-2020-1-4-28-36.

Казиев, 2015 – Казиев С.Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы). Докт. дисс. М., 2015.

Лысенко, 2019 – Лысенко Ю.А. Формы участия мусульманских народов Степного края в событиях Первой русской революции 1905–1907 гг. / *Этнорелигиозные процессы в трансграничном пространстве Западной Сибири, Казахстана и Монголии в контексте государственной политики в XX – начале XXI в.: коллективная монография* / под ред. П.К. Дацковского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. 268 с.

Оренбургский, 1899 – Оренбургский Г. Неотложные нужды // *Санкт-Петербургские ведомости*. 1899. Января 20 (февраля 1). № 19. С. 2.

ОАТР – Османский архив Турецкой Республики.

Отчет..., 1889 – Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях Томской епархии, за 1888 год. Томск: Типо-Литография Михайлова и Макушина, 1889. 86 с.

Прошлое..., 1997 – Прошлое Казахстана в источниках и материалах / Под ред. С.Д. Асфендиярова и П.А. Кунте. 2-е изд. Алматы: Казакстан, 1997. 380 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Третий..., 1906 – Третий Всероссийский мусульманский съезд: Постановления III Всероссийского мусульманского съезда в Нижнем Новгороде. 16–21 августа 1906 г. Казань, 1906.

Усманова, 2005 – Усманова Д.М. Мусульманские представители в Российском Парламенте (1906–1916 гг.). Казань, 2005. 584 с.

Усманова, 2024 – Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной Думе (1906–1917 гг.): Новая политическая элита в Российской империи // *Ұлт Жады*. 2024. № 3. С. 86-101.

Шерстова, 2007 – Шерстова Л.И. Религия и этнос: проблема взаимодействия (на сибирских материалах XVII – начала XX в.) // *Исторические и философские исследования в Сибири*. Ч. 1. Томск: Дельтаплан, 2007. С. 86-104.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Dohm, 2008 – Dohm, B. *Jüdische Eliten im Russischen Reich: Aufklärung und Integration im 19. Jahrhundert (Beiträge zur Geschichte Osteuropas)*. Koln: Bohlau, 2008. 482 p.

Kansu, 1997 – Kansu, Aykut. *Revolution of 1908 in Turkey*. BRILL, 1997. 341 p.

Rogan, 2015 – Rogan E. *The Fall of the Ottomans: The Great War in the Middle East, 1914–1920*. London: Penguin, 2015. 405 p.

Zhumatay et al., 2024 – Zhumatay S., Mukanov O.N., Mukanova G.K., Bimakanova Z.Sh. Suffrage and Its Implementation by Kazakh Deputies of the State Duma of Russia at the beginning of the XXth century. Alikhan Bukeikhanov and Shaimerden Koshygulov. *Bylye Gody*. 19(1): 395-406.

References

Dohm, 2008 – Dohm, B. (2008). *Jüdische Eliten im Russischen Reich: Aufklärung und Integration im 19. Jahrhundert (Beiträge zur Geschichte Osteuropas)* [Jewish elites in the Russian Empire: Enlightenment and Integration in the 19th century (contributions to the History of Eastern Europe)]. Koln: Bohlau, 482 p. [in German]

ГААР – Gosudarstvennyi arkiv Azerbaidzhanskoi Respubliki [State Archive of the Republic of Azerbaijan].

ГАГА – Gosudarstvennyi arkiv goroda Astany [State Archive of the City of Astana, Astana, Kazakhstan].

Горни..., 1902 – Gornyi Altai i ego naselenie [Gorny Altai and Its Population]. Т. 3. Vyp. 2. Osedlye inorodtsy Biiskogo uezda. Barnaul, 1902. 73 p. [in Russian]

Гюллу, 2024 – Gyullu, Y. (2024). Rol' Shaimerdena Koshygula v bor'be musul'man-tyurkov za samosokhranenie [The Role of Shaimerden Koshygulov in the Struggle of Muslim Turks for Self-Preservation]. *Ult Zhady*. 3: 73-85. [in Russian]

Кансу, 1997 – Kansu, A. (1997). *Revolution of 1908 in Turkey*. BRILL, 341 p.

Казиев, 2015 – Казиев, S.Sh. (2015). Sovetskaya natsional'naya politika i problemy doveriya v mezhetnicheskikh otnosheniakh v Kazakhstane (1917–1991 gody). [Soviet National Policy and the Problem of Trust in Interethnic Relations in Kazakhstan (1917–1991)]. М., 556 p. [in Russian]

[Lysenko, 2019](#) – Lysenko, Yu.A. (2019). Formy uchastiya musul'manskikh narodov Stepnogo kraya v sobityiyakh Pervoi russkoi revolyutsii 1905–1907 gg. [Forms of participation of Muslim peoples of the Steppe region in the events of the First Russian Revolution, 1905–1907]. Etnoreligioznye protsessy v transgranicnom prostranstve Zapadnoi Sibiri, Kazakhstana i Mongolii v kontekste gosudarstvennoi politiki v XX – nachale XXI v.: kollektivnaya monografiya. Pod red. P.K. Dashkovskogo. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 268 p. [in Russian]

[OATR](#) – Osmanskii arkhiw Turetskoi Respubliki [Ottoman Archive of the Turkish Republic].

[Orenburgsky, 1899](#) – Orenburgsky, G. (1899). Neotlozhnye nuzhdy [Urgent needs]. Sankt-Peterburgskie vedomosti. Yanvarya 20 (fevralya 1). 19: 2. [in Russian]

[Otchet..., 1889](#) – Otchet ob Altaiskoi i Kirgizskoi missiyakh Tomskoi eparkhii, za 1888 god [Report on the Altai and Kirghiz Missions of the Tomsk Diocese for the Year 1888. Tomsk: Mikhailov and Makushin]. Typo-Lithography, 1889. 86 p. [in Russian]

[Proshloe..., 1997](#) – Proshloe Kazakhstana v istochnikakh i materialakh [The Past of Kazakhstan in Sources and Materials]. Ed. by S.D. Asfendiyarov and P.A. Kunte. 2nd ed. Almaty, 1997. 380 p. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiw [Russian State Historical Archive].

[Ronan, 2015](#) – Rogan, E. The Fall of the Ottomans: The Great War in the Middle East, 1914–1920. London: Penguin, 2015. 405 p.

[Sherstova, 2007](#) – Sherstova, L.I. (2007). Religiya i etnos: problema vzaimodeistviya (na sibirskikh materialakh XVII – nachala XX v.) [Religion and Ethnicity: The Problem of Interaction (Based on Siberian Materials of the 17th – Early 20th Century)]. Istoricheskie i filosofskie issledovaniya v Sibiri. Ch. 1. Tomsk: Del'taplan. Pp. 86-104. [in Russian]

[Tretii..., 1906](#) – Tretii Vserossiiskii musul'manskii s"ezd: Postanovleniya III Vserossiiskogo musul'manskogo s"ezda v Nizhnem Novgorode [The third All-Russian Muslim congress: resolutions of the third All-Russian Muslim congress in Nizhny Novgorod]. August 16–21, 1906. Kazan, 1906. [in Russian]

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiw Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

[Usmanova, 2005](#) – Usmanova, D.M. (2005). Musul'manskie predstaviteeli v Rossiiskom Parlamente (1906–1916 gg. [Muslim Representatives in the Russian Parliament (1906–1916)]. Kazan', 584 p. [in Russian]

[Usmanova, 2024](#) – Usmanova, D.M. (2024). Musul'manskie deputaty v Gosudarstvennoi Dume (1906–1917 gg.): Novaya politicheskaya elita v Rossiiskoi imperii [Muslim Deputies in the State Duma (1906–1917): A New Political Elite in the Russian Empire]. Ul't Zhady. 3: 86-101. [in Russian]

[Zagidullin, 2020](#) – Zagidullin, I.K. (2020). O postanovlenii III Vserossiiskogo s"ezda musul'man 1906 goda, posvyashchennom reorganizatsii upravleniya duchovnymi delami edinovertsev [On the Resolution of the 3rd All-Russian Muslim Congress of 1906 on the Reorganization of Spiritual Governance among Co-religionists]. Historical Search. 1(4): 28-36. DOI: 10.47026/2712-9454-2020-1-4-28-36

[Zhumatay et al., 2024](#) – Zhumatay, S., Mukanov, O.N., Mukanova, G.K., Bimakanova, Z.Sh. (2024). Suffrage and Its Implementation by Kazakh Deputies of the State Duma of Russia at the beginning of the XXth century. Bylye Gody. 19(1): 395-406.

Международные одиссеи казахского политического и общественного деятеля Шаймердена Косшыгулова (начало XX в.)

Самат Жуматай ^{a,*}, Дария П. Кожамжарова ^b, Жайдарман А. Ганибаева ^c, Сатай М. Сыздыков ^d

^a Институт истории Казахстана и Центральной Азии, Астана, Республика Казахстан

^b Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова, Шымкент, Республика Казахстан

^c Актибинский региональный государственный университет, Актобе, Республика Казахстан

^d Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. Исследование персоналий общественных деятелей из числа инородцев Российской империи представляет собой на данный момент преимущественно выявление малоизвестных фактов. Ведущей причиной можно указать закрытый характер темы в период засилья советской идеологии, большинство депутатов первых Дум после известных событий 1917 г. в Российской империи оказались в политической эмиграции либо жертвами массовых репрессий. Целью исследования являлась реконструкция, через детали конкретной биографии выходца из Акмолинской области Степного края, казаха, депутата Думы Шаймердена Косшыгулова, его обширной культурно-просветительской деятельности, которую он сумел осуществить не только в родной языковой, этнической, но и в поликультурной среде. Материалами исследования послужили источники из казахстанских и зарубежных архивов, эпистолярное наследие, нарративы. Часть

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kopeev95@mail.ru (С. Жуматай)

сведений о Ш. Косшыгулове впервые вводится в научный оборот. Посредством междисциплинарного подхода, на стыке истории, политологии, элитологии и антропологии, методов социально-гуманитарных наук, применяя методы критического анализа-синтеза, удалось выяснить, что Шаймерден Косшыгулов имел склонность к просветительству на базе исламского вероучения; его аудиторию составляли разные народы Российской (башкиры, татары, сарты (узбеки), азербайджанцы и др.) и Османской империй рубежа XIX–XX ст. В хронологический отрезок приблизительно 1908–1909 гг. Косшыгулов, уже в статусе экс-депутата Думы, оказался в Стамбуле, где общался с демократически настроенными турецкими деятелями. Одиссеи казахского подвижника на международных орбитах вызывают интерес, особенно в плане его коммуникативных способностей и гипотетического участия в качестве полномочного представителя национальной политической партии Алаш. В пользу последней версии говорит тот факт, что Ш. Косшыгулов был человеком передовых взглядов, участвовал в издании светской газеты в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: Российская империя, мусульмане, Дума, казахи, азербайджанцы, Степной край, просветительство, ссылка, Шаймерден Косшыгулов.